

Призрак победы

Автор:

Макс Глебов

Призрак победы

Макс Алексеевич Глебов

Осколок Империи #1

Люди так и не смогли выяснить, откуда пришел враг, одновременно напавший на Империю и ее соседей – джангров. Удар оказался столь мощным, что отразить его можно было только объединившись, но джангры не захотели союза с людьми, и война обернулась катастрофой. Государство джангров перестало существовать, а человечество выстояло, но лишь ценой потери Метрополии и гибели императора. Утрачены многие знания и технологии, Империя стремительно распадается, и кажется, что ничто более не сможет сделать человечество вновь единым. Лейтенант Илья Чехов – один из немногих выживших офицеров императорской армии, практически полностью уничтоженной в решающем сражении. Как и другие ветераны, оказавшиеся никому не нужными после окончания войны, он пытается выжить в погружающемся в хаос мире, но неожиданно получает зыбкий призрачный шанс возродить Империю и предотвратить уже практически неизбежную гибель человечества.

Бот падал на дневную сторону Адрианы-2, окутавшись облаком плазмы. Из тридцати транспортов нашего десантного корпуса до планеты добрались только девять, остальные сейчас разлетались облаками обломков на высоких орбитах. Чего этот прорыв стоил прикрывавшим нас эсминцам и крейсерам, я даже боюсь представить, но когда речь идет о спасении императора, с потерями считаться не принято.

В ближнем космосе непосредственно над императорской резиденцией еще держалась последняя орбитальная крепость, но атакующая эскадра Роя настолько плотно связала ее боем, что помочь нашему прорыву крепость ничем

не могла. В результате вся нагрузка по отражению ударов эсминцев и торпедоносцев противника легла на немногочисленные силы эскорта, которые флот смог наскрести для нашего корпуса. Итог оказался закономерен – две трети десантных кораблей погибли, даже не успев выпустить боты.

Но мой взвод пока был цел, как и почти весь наш десантно-штурмовой батальон. Командир транспорта, доставившего нас до границы атмосферы, трезво оценивал свои шансы сохранить почти безоружный корабль и жизни экипажа, оставаясь на низкой орбите Адрианы-2, где всюду кипел бой. Поэтому, не дожидаясь приказа, он повел свой транспорт на посадку прямо вслед за нашими ботами. Очень спорный маневр. Сажать десантный корабль в гуще наземного сражения тактическими наставлениями, мягко говоря, не рекомендовалось, но другого выхода капитан второго ранга Семенов просто не видел и принял, как оказалось, единственно верное решение. Что ж, спасибо ему за то, что хоть кто-то из нашего батальона остался жив.

Я потрянул головой, отгоняя воспоминания, и постарался сосредоточиться на текущей задаче. Неширокий наклонный штрек делал плавный изгиб и уводил меня куда-то вниз на более глубокие горизонты выработки. Наверное, за последние лет сто я первый человек, оставивший следы в тонком слое пыли этих подземных коридоров. Яркие лучи наплечных фонарей скафандра освещали картину заброшенности и запустения. Интересно, откуда здесь пыль?

Тетралит перестали добывать шахтным способом чуть меньше века назад, когда умники из Императорской академии наконец-то изобрели способ синтеза тетрала с использованием более доступных видов сырья. Вот только где она сейчас, Императорская академия, вместе с головастыми ребятами, решившими когда-то эту проблему и сделавшими дальний космос доступным для всего человечества? Нет ее, как нет и тех ученых, и того оборудования, да и самой столичной планеты тоже больше нет, если, конечно, не считать за таковую обугленный каменный шар, выжженный ядерным огнем.

Нашему батальону поставили вспомогательную задачу, хотя в той каше, что творилась на поверхности Адрианы-2, все настолько смешалось, что точно сказать, какое направление было главным, не смог бы никто. Крупное соединение наземных сил Роя стремилось подобраться к позиционному району ракетных батарей противокосмической обороны. Зенитчики поддерживали огнем орбитальную крепость и надежно защищали ее от атак вдоль границы атмосферы. Сковырнуть ракетчиков орбитальным ударом флот Роя не мог –

мешала крепость. Атаки атмосферной авиации тоже не увенчались успехом по причине высокой насыщенности позиционного района средствами ПВО, и вот теперь Рой предпринял наземную атаку, а мы должны были помешать ему, пополнив изрядно поредевший пехотный полк, усиленный дивизионом тяжелых роботов, от которого, правда, тоже уже мало что осталось.

Удар по Метрополии оказался для императорской армии и флота полной неожиданностью. По данным разведки выходило, что противник не имеет достаточных сил для такой операции. То ли кто-то что-то не учел, то ли Рой поставил на карту все силы, которые смог наскрести, но удар получился столь мощным, что сразу стало очевидно – силам обороны Метрополии его не отразить. Тем не менее, флот и армия стояли насмерть. Сразу после начала атаки в колонии по гиперсвязи ушел приказ императора об отправке срочной помощи для деблокирования Метрополии. Все колонии приказ выполнили, и сейчас их объединенный флот был всего в нескольких прыжках от Адрианы, но сил держаться у защитников Метрополии уже практически не осталось. Первая и третья планеты прекратили сопротивление больше восьми часов назад, и сейчас Рой сосредоточенно обрабатывал их с орбиты термоядерными бомбами. Пока действовали подавители высокоэнергетических процессов, применение этого оружия было невозможно, но десант противника прорвался к шахтам подавителей и уничтожил их. Теперь планеты ничто не защищало, и Рой уничтожал все то лучшее, что столетиями аккумулировало человечество на планетах Метрополии.

Адриана-2 еще держалась, и мы, ее последние защитники, внушали себе, что надежда еще есть. Шахта последнего уцелевшего подавителя находилась прямо под императорским дворцом, так что пока Рой не прорвался туда, ядерный удар нам не грозил. А вот вся территория планеты за пределами двух тысяч километров от дворца уже содрогалась от термоядерных взрывов – Рой методично выжигал на ней все живое.

Точка высадки находилась на территории, контролируемой нашими войсками, так что огня с поверхности на последнем отрезке траектории можно было не опасаться, но от атак вражеской авиации нас никто защитить не мог. Командир батальона майор Чанг орал на пилотов, чтобы они как можно быстрее тянули свои машины к зоне действия наших наземных средств ПВО, но воплями мощности двигателям не прибавишь, и то слева, то справа от меня постоянно вспыхивали огненные шары гибнущих десантных ботов, а потом замолчал и майор. Мы отстреливали противоракетные ловушки, выпускали имитаторы,

ставили помехи и даже сформировали некое подобие боевого строя, в котором боты могли хоть как-то прикрывать друг друга своими автоматическими пушками, но все это, по большому счету, являлось просто жестом отчаяния. По хорошему, нас должны были защищать атмосферные истребители, выпускаемые в атмосферу одновременно с машинами десанта. Но эскортный авианосец погиб еще на подходе к планете, и истребителей не было...

Я часто вспоминал этот бой, особенно в подобные моменты, когда монотонное движение располагало к посторонним мыслям. Еще чаще он мне снился. Как мы выжили тогда? Сам я этого уже не видел. Меня ранило через пару часов после высадки, во время отражения очередной атаки Роя. Парни буквально вырезали мою полуразрушенную бронекapsулу из останков покореженного и обгоревшего «Крокодила». Близкий взрыв трехсотмиллиметровой боеголовки легкий десантный робот выдержать не мог по определению. А дальше я уже ничего не помнил. Немногие выжившие из нашего батальона рассказали мне, что когда Рой все-таки свалил орбитальную крепость и выжег императорский дворец ударом с орбиты, капитан Семенов вывез на своем транспорте прямо из-под носа у наступающих роботов Роя всех, кто чудом уцелел при обороне батареи. Взлетающий транспорт был бы непременно сбит, но к тому моменту на низкие орбиты уже прорвался флот колоний, и его крейсера прикрыли огнем набирающий высоту десантный корабль. Очнулся я на госпитальном судне сводного колониального флота, когда с кораблями Роя уже было покончено. Люди одержали решающую победу в этой войне ценой гибели Метрополии и практически всех имперских сил во главе с самим императором Константином. Да, у нас остались эскадры отдельных звездных систем, объединенные в сводный флот колоний, остались сами колонии, но это уже была не Империя.

Я продолжал спускаться все ниже. Слабая гравитация астероида сильно мешала, но я надеялся, что схема тоннелей, вытщенная за небольшую мзду из старой базы данных мелким чиновником архивной службы, не окажется полной липой, и я благополучно дойду до законсервированного пункта управления гравикорректором. Этот аппарат вмонтировали в скальную толщу астероида сразу, как только корпорация «Тетрал-дальний» приступила к разработкам. Много позже, когда шахту закрыли, демонтировать оборудование никто не стал. Его выключили, законсервировали и бросили здесь. Да, прошло сто с хвостиком лет, но что будет этому надежному, как кирпич, аппарату, рассчитанному на многие десятилетия непрерывной работы?

– Илья, что у тебя? – раздался в наушниках шлема голос моего напарника и заодно второго пилота нашего, с позволения сказать, корабля. Хотя, не будем обижать старичка, свое дело по доставке нас в эту забытую богом дыру он выполнил честно, хоть и не без сюрпризов. А что взять с малого войскового транспорта, не раз битого ракетами и снарядами Роя, латанного-перелатанного и, наконец, списанного вчистую сразу, как только война закончилась тем, что у нас называют победой.

– Иду. Тихо и пусто. Спускаюсь потихоньку. Если верить схеме, аппаратная будет на следующем горизонте.

– Ты ретрансляторы не забывай ставить почаще. У меня картинка совсем пропала и голос твой с заиканиями идет. Этот булыжник – сплошная смесь железа и никеля, а они очень неплохо глушат сигнал.

– Понял. Буду чаще кидать, – ответил я, закрепляя на стене очередной небольшой прибор, – слушай, Олег, а ведь я тебя слышу отлично. Странные тут помехи какие-то...

– Стой на месте, – голос Олега дрогнул, и я тут же замер, медленно опустив поднятую для следующего шага ногу. Хорошая привычка, намертво вбитая в подкорку за четыре года войны.

– Что случилось? – спросил я негромко, хотя кто мог меня услышать сквозь шлем скафандра в безвоздушном пространстве?

– Немедленно возвращайся, мы здесь не одни. Помехи, похоже, наведенные. Это я лопухнулся, надо было сразу их профиль проверить, а я все списывал на высокое содержание металлов в породе. Расслабился за последний год...

– Иду.

Я, как мог быстро, двинулся обратно вверх, аккуратно собирая в сумку ретрансляторы. Раньше и не задумался бы об этом, приборы-то копеечные, но сейчас времена изменились, да и оставлять в штреке следы своего присутствия мне после слов Олега как-то расхотелось.

В наушниках раздался пульсирующий треск помех, действительно очень похожих на работу глушилки, вот только не могло ее здесь быть, по крайней мере, такой. Я эти помехи узнаю, хоть разбуди меня ночью после трех суток без сна. Наслушался за четыре года.

– Олег, меня слышно? – беспокоенно бросил я в микрофон.

В ответ сквозь то усиливающиеся, то спадающие завывания и треск раздалось только невнятное бухтение.

– Если слышишь, активируй Арнольда и запускай его мне навстречу. Я слышу глушилку Роя. Не знаю, откуда она здесь, но мы, похоже, вляпались по самое некуда.

Арнольдом мы прозвали списанного абордажного робота, такого же старого и битого, как наш корабль. Эхо войны.

По пути вниз я миновал полтора десятка боковых ответвлений. На их разведку не было ни времени, ни желания. На схеме они обозначались, как тупиковые и интереса для нас с Олегом не представляли. На этом космическом булыжнике нам было нужно только законсервированное оборудование корпорации. Гравикорректор мы, конечно, упереть отсюда не смогли бы, не по нашим зубам эта махина, но и помимо него здесь должно было остаться еще много вкусного, что можно было продать на черном аукционе где-нибудь на полупиратской пустотной станции. Мы рассчитывали запустить часть оборудования жизнеобеспечения выработки и провести здесь в относительном комфорте пару-тройку недель, неспешно демонтируя и перетаскивая в трюм корабля наиболее интересные с точки зрения продажи устройства. Скажи мне кто лет пять назад, что я, лейтенант-десантник императорской армии, буду зарабатывать себе на жизнь таким способом, дал бы, наверное, такому шутнику в морду без особых раздумий. Только нет ее больше, императорской армии, как не осталось и самой Империи.

Треск и завывание в наушниках усилились, и почти сразу из одного из боковых проходов метрах в пятидесяти от меня выскочил технический дрон Роя. Как в моих руках оказалась винтовка, я даже не успел понять. Вроде бы только что висела в фиксаторах за спиной, а нет, уже в руках и выцеливает вражеский механизм. Но сенсор огня я активировать не стал. Моя жаба за послевоенный

год выросла из крохотного головастика в матерое откормленное животное и мерзко квакала по поводу любого разбазаривания ценного имущества, а техдрон к таковой категории относился со всей однозначностью. Правда, совсем уж безоружным он не был, хоть с боевым роботом сравниться, конечно, и не мог.

Техдроны обычно в атаку не ходят, не их это дело, но какие алгоритмы поведения Рой зашивает в их вычислители, никто так толком понять и не смог. Во всяком случае, одинаковые на вид экземпляры беспилотной техники Роя зачастую вели себя по-разному, используя, похоже, не только жестко прописанные в них программы, но и элементы собственного опыта, накопленного за время эксплуатации в конкретных условиях.

Выскочивший на меня дрон имел, по-видимому, весьма специфический опыт. Вместо того чтобы рвануть обратно за поворот, он прыгнул ко мне. Оружия дальнего боя у него не имелось, но плазменный резак тоже штука крайне неприятная, особенно с учетом того, что экипировка у меня совсем не боевая. Тут уж пришлось жабе подвинуться и уступить место инстинктам лейтенанта-десантника. Впрочем, не совсем. Два одиночных выстрела снесли дрону переднюю пару из пяти трехчленных конечностей. Противник остановился и попятился. Бегать на трех ногах он не мог, максимум, медленно и неуклюже ковылять. Я выдал нашлемной системе целеуказание и позволил ей взять под контроль сервоприводы скафандра, после чего тщательно наведенная компьютером винтовка аккуратно снесла противнику плазменный резак. Ну все, парень, теперь ты наш. Не знаю, кому и зачем нужны твои потроха, но на аукционе за тебя дадут неплохие деньги.

– Олег, как связь? – спросил я сквозь вой помех. Ответа ожидаемо не последовало. Вместо него я почувствовал легкий толчок в ноги, а через секунду еще один.

Вот это было уже действительно неприятно. Кто-то на поверхности астероида вел бой с применением вполне серьезных калибров, и, кажется, я догадывался, кто именно, по крайней мере, с одной из сторон. Снеся роботу еще одну конечность, чтоб не укувылял, куда не следует, я со всей возможной прытью поскакал к выходу на поверхность. Техдроны попадались мне навстречу еще дважды. Что они здесь делали и почему тихо сидели по своим норам, пока я спускался вниз, осталось мне непонятным, но разбираться времени не было, и я просто вlepил им по полновесной очереди, лишив, тем самым, нас с Олегом изрядной суммы, но в тот момент мне было как-то не до подсчета убытков.

Конечно, я опоздал. К моменту моего появления все уже закончилось. Как-то резко исчезли помехи, и я услышал голос Олега в наушниках шлема:

- Все, Ильюха, приплыли мы с тобой.

- Что это было?

- Штурмовой робот Роя и три сателлита.

- Почему мы еще живы?

- Кто-то их очень хорошо приласкал задолго до нас, наверное, еще во время войны. Потому и сателлитов только трое осталось.

- Что с кораблем?

- Двигательного отсека считай, нет, прямое попадание ракеты. Ну и одну из пушек вынесли нам под корень, хотя какая теперь разница? Здесь стрелять уже не в кого, а улететь мы никуда теперь точно не сможем.

Ситуация выглядела хреновей некуда. Никто о нашей экспедиции не знал, ибо деньги любят тишину, и мы не трепались о цели нашего полета. Гиперпередатчик скончался вместе с двигателем, поскольку был его неотъемлемой частью и работал с ним в единой связке. В эту глушь никто в ближайшие годы, скорее всего, не заглянет. В общем, мы попали. На удивление, паники не было. Мы знали, на что шли. Да и годы войны с Роем приучили нас к тому, что каждый день может стать последним. Мы сидели в небольшой кают-компании транспорта и молча пили чай. Мы оба знали, что нужно делать, но нам нужна была эта небольшая пауза, чтобы собраться с мыслями и начать жить в новых обстоятельствах.

- Арнольд тоже кончился? - вспомнил я про нашего абордажного робота.

- Не, живее всех живых. Я его успел только в конце выпустить. Он даже героически добил последнего сателлита.

- Ну, хоть что-то приятное, - я невесело усмехнулся.

- На наших запасах мы протянем пару месяцев, - хмуро произнес Олег, - Это если считать только ресурсы корабля и если та ракета ничего серьезного не повредила в системе жизнеобеспечения. Но есть еще эти катакомбы, где, судя по архивным данным, тоже кое-что сохранилось. Продукты и воду мы там вряд ли найдем, а вот с воздухом и энергией все может оказаться не так плохо.

- Там, в штреке, я встретил трех ремдронов Роя. Одному копытца поотшибал, а двоих пришлось нашпиговать пулями, сюда торопился. Интересно, что они там делали?

- Не беспокойся, у нас будет масса времени облазять эту выработку вдоль и поперек, - «успокоил» меня Олег, - так что во всем успеем разобраться. Только в следующий раз без Арнольда туда лучше не соваться.

- Угу. И без боевых скафов тоже, - поддержал я напарника, - ладно, Олег, не стоит нам расслаживаться, безделье вредно для морально-психологического состояния личного состава. Давай решать, с чего начнем.

- Это ты хорошо сказал, про личный состав. У меня тоже что-то такое на языке крутилось. Иногда мне хочется забыть последний год, и я ловлю себя на мысли, что там, на войне, было куда лучше. Бред, конечно, но знаешь, мне все чаще кажется, что лучше поражение, чем такая победа.

- Не знаю даже, хотя мысли похожие и мне иногда приходят, но на месте джангров я, все же, не хотел бы оказаться. Вот они действительно проиграли навсегда, почти без шансов на возрождение цивилизации, а мы...

- И мы, Ильюха. И мы тоже. Не надо себя обманывать.

- Да я и не пытаюсь. Все, Олег, отставить пустой треп. Составь точный список повреждений и доложи план ремонтных работ.

- Есть, командир, - улыбнулся мой напарник, хотя нет, наверное, все же не напарник, а снова сержант Олег Звонарев. Обманывать себя действительно не стоило. Все лучшее, что было с нами, осталось в том мире, где мы были

лейтенантом и сержантом. Даже когда вокруг рвались снаряды и умирали наши товарищи, мы, по крайней мере, понимали, за что платим эту цену. Другое дело, что судьба все-таки ухитрилась нас обсчитать и подсунуть гнилой товар, но на то она и судьба.

* * *

– Олег, как вышло, что ты не узнал глушилку Роя? – спросил я, накладывая пластырь на очередную сквозную дыру в переборке, – Я думал, этот звук невозможно забыть.

– А я слышал не ее, командир, – ответил сержант, – это были другие помехи, не наши, и не Роя. Поэтому я сразу и не сориентировался. Насторожился я, только когда ты сказал, что хорошо меня слышишь.

– То есть на этом булыжнике был, а может и сейчас есть кто-то еще, кроме нас и уничтоженного тобой огрызка штурмовой когорты Роя?

– Думаю, именно был, а не есть, – чуть подумав, ответил Олег, – эти нестандартные помехи исчезли почти сразу, как появились роботы Роя.

– Джангры?

– Пока не увидим, не поймем. О технике джангров известно не так много, мы ведь с ними не воевали никогда, но и союзниками не были, если не считать буквально пару недель перед тем, как Рой уничтожил их последнюю колонию. Но мысль вполне здравая. Кто-то ведь положил шесть спутников Роя и неслабо покалечил штурмробота, а о боевых действиях в этой системе в наших архивах ничего нет, значит, мы здесь не воевали. Остаются джангры, если не впадать в совсем уж безумные гипотезы.

– Вот что, сержант, – снова назвал я Олега по званию, – давай-ка, прежде чем лезть в шахту, выведем на низкую орбиту пару малых зондов. Пусть сделают по сотне витков вокруг нашего астероида и хорошенько отсканируют поверхность. Чувствую я, сюрпризов эта каменюка хранит еще очень немало. По уму это следовало сделать еще до посадки, но кто ж знал...

– Я же говорю, расслабились мы. Система уже сотню лет, как заброшена. Люди здесь не живут, боев с Роем, судя по архивам, в этом секторе космоса не было. Вот и решили сэкономить время, горючее и ресурс зондов. И доэкономились...

* * *

Ничего бы мы, наверное, не нашли, если бы специально не искали. Железо-никелевый астероид – это такая бяка, на которой обнаружить металлический предмет, не излучающий энергию, бывает не так и просто, особенно когда он присыпан пылью, поднятой давними взрывами и потом медленно осевшей на поверхность.

Завалившийся набок эвакуационный транспорт джангров с рваными пробоинами по всему корпусу лежал на дне не слишком купного, но глубокого кратера. Корабль был давно и окончательно мертв, поэтому сканеры не могли отличить его от окружающего ландшафта, а черная тень, отбрасываемая высокими стенками кратера, окончательно скрывала место трагедии.

Конечно, хорошие сканеры не пропустили бы место посадки и последующей гибели транспорта, но наши приборы к категории «хорошие», к сожалению, не относились, поэтому Олегу пришлось долго возиться с настройками диапазонов сканирования, чтобы по ряду косвенных признаков все-таки найти чужеродный объект на поверхности астероида.

Наверное, командир эвакуационного транспорта знал об идущем по его следу корабле Роя, и пытался спрятаться в этом кратере, но от сканеров боевого корабля такая примитивная уловка помочь не могла. Она и не помогла, а может, джангры просто решили, что в бою на поверхности у них будет больше шансов. В чем-то они оказались правы, хотя в итоге все равно проиграли, пусть и не с сухим счетом. Раз те машины Роя, что остались от штурмовой когорты после боя с джанграми, не эвакуировались с астероида, значит, улететь им оказалось не на чем. Вообще, странно, что преследованием транспорта занимался десантно-штурмовой корабль. Это не самый лучший выбор для такой задачи, что и подтвердил результат. После нескольких часов поиска мы обнаружили еще одну группу обломков. Корабль Роя тоже не пережил этого боя. Видимо, он пытался оказать десанту поддержку с низкой орбиты, но нарвался на ракету поверхность-космос, а может и не на одну.

– Не исключено, что остатки десанта Роя так и не зачистили до конца всю технику джангров, – высказал предположение Олег, – слишком мало у них осталось сил, чтобы сразу переловить всех разбежавшихся, а потом кто-то из выживших джангров спрятался и пытался дождаться помощи, а кто-то из небоевых роботов просто затаился в каких-нибудь расщелинах.

– Похоже на правду, – согласился я с выводом сержанта, – это случилось года полтора назад, не раньше, иначе джангровский робот радиоэлектронной поддержки не попытался бы нам помочь, а тут в его программе мы, похоже, уже оказались прошиты в качестве союзников, и он решил вмешаться, ставя помехи роботам Роя. Эти-то помехи ты, видимо, и засек.

– Надо все тут как следует обшарить, командир, – в голосе Олега слышалась заинтересованность, – может кто-то уцелел, за кем-то ведь охотились те ремдроны в шахте, которых ты успокоил, пока бежал наверх.

– Да, вели они себя странно. Видимо, успели привыкнуть выслеживать почти безоружную добычу, вот и нарвались сдуру. Но вряд ли мы найдем здесь живых джангров. Все-таки полтора года прошло, ну, может, чуть меньше... А вот роботы поддержки могли уцелеть, тут ты прав.

Легко сказать «хорошенько обшарить», но, как мы быстро убедились, выполнить эту задачу с нашими возможностями не так уж и просто. Наш транспорт летать не мог, а сырьевой астероид – штука немаленькая, хоть с планетой ему, конечно, и не сравниться. Даже с учетом низкой гравитации пешком добраться до корабля джангров мы могли не быстрее, чем часов за двадцать, что с учетом времени на возвращение и на поиски являлось, практически, пределом автономности наших скафандров.

В итоге, сами мы туда решили пока не ходить, а отправить на разведку Арнольда. Пусть работает – он железный, да и с автономностью у него явно лучше.

* * *

Вблизи транспорт джангров выглядел еще более мертвым, чем на снимках, доставленных зондами. Огромные дыры в обшивке явно были оставлены

родными сестрами той ракеты, что уничтожила двигатель нашего корабля. Правда, размерами эвакуационный транспорт сильно превосходил нашего старичка, и у меня сохранялась тень надежды, что во внутренних отсеках что-то могло уцелеть.

Проникать в корабль противника через дыры в броне – прямая обязанность абордажного робота, поэтому Арнольд справился с этой задачей, даже не вспотев. Отсеки, прилегавшие к внешней обшивке, являли собой печальное зрелище рваного и перекрученного металла. Тел джангров пока не встречалось, возможно, потому, что внешние помещения были техническими. Как и ожидалось, по мере движения Арнольда внутрь транспорта повреждения уменьшались, и вскоре зона тотальных разрушений сменилась полуразрушенными коридорами, по которым робот уже мог двигаться чуть быстрее. Здесь же Арнольд обнаружил первого мертвого союзника. Джангр в легком скафандре лежал лицом вниз на пороге каюты, из которой, видимо, пытался выйти в момент, когда его настигла смерть. Робот аккуратно перевернул тело. Скафандр оказался пробит в нескольких местах крупнокалиберными пулями. Лицо гуманоида было скрыто затемненным стеклом, и я дал команду Арнольду поднять щиток шлема убитого.

Кожа джангра, покрытая мелкими чешуйками с медным отливом, блеснула в луче фонаря, закрепленного на плече Арнольда. В условиях космического холода тело сохранилось идеально, хоть и промерзло насквозь. Я так и не смог привыкнуть к виду джангров. Их лица чем-то неуловимо напоминали лица людей, но от этого становилось только хуже, поскольку все пропорции у них были совершенно нечеловеческими. Два огромных заледеневших глаза, лишенных век и посаженных почти вплотную друг к другу, сейчас мертво смотрели в потолок. Плоский, почти не выдающийся вперед нос напоминал шляпку гриба, покрытую чешуей. Узкий рот с очень тонкими губами тянулся от одного ушного отверстия до другого, а сами уши почти не имели раковин, чего сейчас видно не было – мешал рассмотреть шлем. Насколько я знал, половых различий у этой расы не имелось, джангры являлись гермафродитами. Волосы на их телах не росли, а руки и ноги джангров гнулись в трех суставах и оканчивались четырьмя длинными гибкими пальцами. Сейчас тело союзника лежало в абсолютно невозможной для человека позе, но это совершенно не значило, что его конечности или позвоночник повреждены. Смерть явно наступила не от травм, а от пулевых ранений.

Арнольд уходил все дальше в центральные отсеки эвакуационного транспорта. Корабли этого типа наши чешуйчатые союзники начали строить в последние полгода-год перед своим окончательным поражением, и единственным их назначением был вывоз хотя бы части населения Меритократии Джангров с планет погибающего государства. Предполагалось, что уход в неисследованный космос будет осуществляться организовано, целыми флотилиями эвакуационных судов, и несколько таких экспедиций джанграм действительно удалось отправить в разных направлениях. Корабли ушли в серию линейных гиперпрыжков и согласно планам должны были находиться в пути около десяти лет. Джангры хотели уйти как можно дальше от области космоса, подвергшейся интервенции Роя. Судьба ушедших флотилий оставалась неизвестной. Возможно, в данный момент эвакуационные транспорты с погруженными в криосон колонистами находились в пути, и им предстояло лететь еще очень долго. Но судьбу одного из таких кораблей мы с Олегом сейчас наблюдали через камеры абордажного робота, пробирающегося по покореженным отсекам среди обломков оборудования и тел погибших джангров.

– Не повезло чешуйчатым... – уже почти год я не слышал таких ноток в голосе Олега. После уничтожения последних кораблей Роя у нас всех возникло ощущение, что смертельный кошмар закончился, и вот сейчас вернется прежняя жизнь. Кошмар действительно закончился, но прежняя жизнь так и не вернулась. И вот теперь оказалось, что та война все еще не хочет нас отпускать. Именно это я услышал в голосе сержанта. Мы снова сидели в командном посту боевого корабля. Для нас он больше не был списанным войсковым транспортом, используемым для мелкой полулегальной коммерции. Сами того не ожидая, мы снова оказались на фронте, опять столкнувшись со старым врагом. Мы снова победили... и опять проиграли.

Продравшись через очередной завал, Арнольд выбрался в зал впечатляющих размеров. Похоже, он находился в самой середине, на центральной оси корабля. Ни у меня, ни у Олега не возникло сомнений в назначении этого помещения.

– Криозал... – озвучил я нашу общую мысль.

– Коллективная гробница. Сколько же их здесь? – мрачно произнес Олег, оглядывая бесконечные ряды капсул низкотемпературного сна, – надо проверить хотя бы некоторые из них. Вдруг там предусмотрен автономный режим на случай аварийных ситуаций.

Мы подогнали Арнольда к ближайшему ряду капсул, и нам стало ясно, что живых мы здесь не найдем. Даже если конструкторы джангров и предусматривали возможность автономной работы оборудования, никакая криотехника не выдержит расстрела из автоматических пушек. Роботы Роя побывали здесь задолго до нас, и все осмотренные нами капсулы несли на себе следы их визита в виде рваных пробоин в корпусах и разбитых контрольных панелей.

Для очистки совести мы потратили еще час на проверку всего зала, но неповрежденных капсул так и не обнаружили.

– Пора уходить отсюда, ничего мы здесь не найдем, – в голосе Олега явственно звучало ожесточение, – давай поищем в других отсеках, может что полезное уцелело.

– Ты хочешь найти что-то ценное для нас на корабле джангров? – удивленно спросил я сержанта. – Ты что-то смыслишь в их технике?

– Их робот радиоэлектронной поддержки пытался помочь нам...

– Резонно. Хорошо, давай поищем.

Арнольд уже выбрался из криозала, когда в моей голове внезапно возникла мысль, заставившая меня остановить Олега, управлявшего абордажным роботом.

– Постой-ка, сержант. Не торопись. Можешь воспроизвести последние пять минут осмотра зала с капсулами?

– Не вопрос, – ответил Олег, включая запись и заинтересованно поглядывая на меня, – что-то заметил?

– Сейчас сам все увидишь, – ответил я, вглядываясь в изображение на экране, – стоп! Вот здесь. Ничего необычного не замечаешь?

– Ряд не заполнен до конца. Часть капсул отсутствует.

- Именно! Как думаешь, почему?

- Ну, мало ли может быть причин...

- Не спорю, причин может быть много, - согласился я, - но давай попробуем представить себя на месте командира эвакуационного транспорта...

- Что-то не хочется мне на его место, - передернул плечами Олег.

- Не сомневаюсь, - я вздохнул, прекрасно понимая сержанта, - но все же давай попробуем реконструировать события. На хвосте висит десантно-штурмовой корабль Роя. Отбиться в космосе шансов нет, но можно попытаться спрятаться в поясе астероидов, а если не получится - дать бой на поверхности, где появляются хоть какие-то варианты.

- Это понятно, и уже и так нам известно.

- Я знаю. Это я, скорее, для себя повторил, чтобы дальнейшую логику проще было выстраивать. Так вот, транспорт совершает посадку в глубоком кратере в надежде остаться незамеченным, но его командир прекрасно понимает, что шансов на это очень немного. Что он предпримет? Будет ждать, пока его обнаружат и расстреляют с орбиты?

- Нет, конечно. Прежде всего, он выведет из корабля планетарную технику, развернет противокосмическую оборону, если у него есть под рукой ее компоненты.

- У нашего были, судя по обломкам корабля Роя.

- Вот-вот. Ну, а дальше меры маскировки и терпеливое ожидание.

- Возможно, но не факт. Мы ведь не знаем, сколько у него на корабле имелось военной техники, - продолжил я развивать свою мысль, - допустим, что немного, тем более, что по всем признакам так оно и было. Командир джангров понимает, что отбиться не сможет, что дальше?

– Думаешь, команда решила спасти часть колонистов, вынеся их капсулы с корабля и спрятав где-то на поверхности?

– Зачем на поверхности? Они ведь не зря выбрали для посадки именно этот астероид. Возможно, джангры обнаружили здесь следы деятельности людей в виде заброшенной выработки. А что может быть лучше для укрытия, чем катакомбы?

– Зыбко это как-то, – с сомнением покачал головой Олег, – слишком много предположений..., но допустим. Предлагаешь искать недостающие капсулы? Ведь уже больше года прошло.

– А что нам остается, сержант? Выработку нам так и так придется обследовать, если хотим найти для себя что-то нужное. Вот сейчас корабль джангров закончим осматривать, вернем назад Арнольда, и завтра двинем в шахту.

– Я бы все же поискал того робота поддержки, который пытался ставить помехи Рою. Если он выжил, не хотелось бы его здесь бросать.

– Это само собой. Ладно, двигай Арнольда в технические отсеки.

* * *

Робота джангров, вернее то, что от него осталось, мы нашли довольно быстро. Место взрыва разметавшей его ракеты неплохо просматривалось с орбиты, и один из наших зондов навел на него Арнольда. Увы, помочь нам этот отважный механизм больше ничем не мог.

В технических отсеках эвакуационного транспорта мы нашли немало оборудования и различных агрегатов, казавшихся, на первый взгляд, относительно целыми, но понять их предназначение и принцип работы мы сходу не смогли. Несколько небольших устройств, выглядевших совершенно неповрежденными, Олег на всякий случай приказал Арнольду погрузить в транспортный контейнер и доставить на наш корабль, собираясь позже поковыряться с ними в спокойной обстановке.

Беглый осмотр обломков корабля Роя тоже мало что дал. Ракет ему досталось аж три штуки, причем последняя настигла его уже на поверхности. Видимо, часть десанта погибла при ее взрыве, но это и все, чего смогли добиться джангры. Дальше роботы Роя довольно быстро подавили их сопротивление, сохранив несколько боеспособных машин, результаты чего мы и испытали на себе, опрометчиво сунувшись на поверхность без должной разведки.

Пока Арнольд возвращался обратно в автоматическом режиме, мы завалились спать, благо на завтра имелись обширные планы. Проснулся я от сигнала устройства связи, принявшего послание от нашего абордажного робота, что он на подходе и просит открыть ему шлюз. Впустив Арнольда, я разбудил Олега и принялся за приготовление нехитрого завтрака. Процедура эта не требовала от меня ничего, кроме отдачи пары команд с планшета, в основном сводившихся к выбору блюд из короткого списка – стандартный кок-синтезатор, доставшийся нам вместе с кораблем, не баловал команду разнообразным меню. Наскоро перекусив надоевшими уже шедеврами кулинарии этого старательного, но неспособного на чудеса аппарата, мы дождались пока Арнольд выгрузит свою добычу из контейнера и двинулись к входу в шахту.

Обломки уничтоженных мной ремдронов Роя лежали на своих местах. Никто их с тех пор не трогал. Робот с отстреленными конечностями тоже никуда не делся, только отполз к стене, упираясь в пол уцелевшими ногами. Мы решили забрать его на обратном пути и двинулись дальше. Из боковых коридоров никто на нас больше не выскакивал, но Арнольд, двигавшийся в десятке метров впереди нас, тщательно их проверял, сюрпризов нам больше совершенно не хотелось.

За очередным поворотом наклонного коридора мы наткнулись на труп джангра. Союзник лежал на спине. Его скафандр был вскрыт плазменным резаком. В руке джангр все еще сжимал какое-то оружие, судя по всему, легкое. Оно с трудом пробивало даже тонкую броню ремонтных роботов. Тем не менее, погибший пытался защитить свою жизнь и валявшийся в нескольких метрах от него избитый пулями дрон являлся тому наглядным свидетельством.

– Командир, почему Рой отправил в катакомбы ремдронов, а все боевые машины остались на поверхности?

– Сам не понимаю, – озадаченно ответил я, – Может они ждали нападения из космоса, опасались, что на помощь транспорту придут боевые корабли и хотели встретить противника всем, что у них осталось?

– Не исключено, – кивнул Олег, – логику Роя мы ведь так и не смогли понять до конца.

До аппаратной мы добирались больше часа. Прочная металлическая дверь, закрывавшая когда-то доступ к системе управления гравикорректором и системой жизнеобеспечения выработки, сейчас валялась в пыли на полу, вырезанная плазменными резаками ремдронов Роя. Что они здесь искали, осталось неясным, но, похоже, ничего интересного для себя ремонтные роботы не обнаружили. Увидев, что стало с дверью, я уже было решил, что пульту управления конец, но нет, ремдронам неработающее человеческое оборудование оказалось совершенно не интересно.

К этому моменту мы специально готовились, отправляясь в нашу экспедицию, но все равно возня с незнакомыми агрегатами, уже сотню лет проведенными в режиме консервации, заняла у нас около десяти часов. Зато усилия не пропали даром, гравикорректор удалось активировать. К сожалению, энергии в его накопителях оказалось немного, но на пару недель в условиях нормальной гравитации мы вполне могли рассчитывать.

– Олег, ты можешь выставить вместо нормальной силы тяжести семь десятых?

– Конечно, настройки это позволяют. Хочешь растянуть удовольствие?

– Ну да. Сколько он протянет в таком режиме?

– Месяц, если верить вычислителю, но он может и врать, ему уже лет столько, что я бы не стал так уж надеяться на точность прогноза.

– Тем более, не стоит его напрягать оборудование по полной.

– Как скажешь, командир. Ноль семь, так ноль семь.

С системой жизнеобеспечения все оказалось гораздо хуже. На запыленном экране, наскоро протертом перчаткой скафандра, мы читали красные строчки сообщений о проваленных тестах систем герметизации входов, которых в этой выработке имелось аж четыре штуки. Исправный шлюз оказался только на одном из них, остальные, судя по всему, были вскрыты так же варварски, как и

дверь в аппаратную.

– Кислород и азот в сжиженном виде в цистернах имеется в достаточном количестве, – прокомментировал Олег строки данных на экране, но система жизнеобеспечения, естественно, не запустится, пока мы не обеспечим хоть какой-то герметичный контур.

– А что с аварийными переборками? Может, опустим ближайšie к входам? Это должно решить проблему.

– Не поможет. В тоннелях кое-где сохранились датчики, и сейчас система их опрашивает. Картинка вырисовывается довольно грустная. В породе возникли подвижки и трещины, возможно, в результате взрывов на поверхности. В общем, герметичности не будет. О! Смотри-ка, а вот тут даже свод обвалился. Это что же так должно было рвануть наверху, чтобы штрек завалило?

– Наверху? – я усмехнулся, но Олег не мог видеть моего лица за забралом шлема, – Сержант, я думаю, это то, что мы ищем. Тоннель взорвали изнутри, и я не удивлюсь, если сделали это джангры, чтобы отгородить часть выработки, где они спрятали криокапсулы, от остальных катакомб. Думаю, именно это и искали здесь ремдроны Роя, но, надеюсь, не нашли.

* * *

Завал оказался качественным. Взрыв обрушил штрек на протяжении тридцати метров, если верить сохранившимся датчикам системы контроля герметичности. Никакого горнопроходческого оборудования с собой мы, естественно, не привезли, но по информации, извлеченной из баз данных вычислителя шахты, в одном из дальних штреков хранился проходческий щит с практически выработанным ресурсом, затраты на вывоз которого при закрытии шахты компания сочла неоправданными. Удастся ли его запустить, было большим вопросом, но других вариантов у нас все равно не имелось. Разобрать завал вручную, даже с помощью Арнольда, мы бы все равно не смогли. Судя по следам в штреке и небольшой горке породы чуть в стороне от завала, техдроны Роя пытались ковыряться в этой груде камней, но быстро бросили это безнадежное занятие, прикинув, видимо, что раньше выработают весь свой ресурс, чем прокопаются через завал.

Проходческий щит сопротивлялся нашим усилиям почти неделю. Это было действительно очень старое и весьма изношенное оборудование, простоявшее, к тому же, без движения больше ста лет. Если бы не информация, хранившаяся в памяти вычислителя шахты, мы бы не справились. Системы беспроводной связи нормально работать почему-то отказывались, но протащив оптический кабель от пульта управления гравикорретором к этому древнему механизму и воткнув его через кустарный переходник в диагностический разъем, мы все-таки сдвинули дело с мертвой точки. Часть тестов оказалось провалено, но, как выяснилось, неполадки касались в основном узлов, отвечающих за безопасность работы этой архаичной машины. Тем не менее, без этих блоков аппарат запускаться не желал, пока Олег не выкопал где-то в наших архивах старый военный код, применявшийся в экстренных случаях и отменявший в любой гражданской машине все ограничения, связанные с техникой безопасности.

Несмотря на тщательно проведенное техническое обслуживание, гусеничный проходческий щит сдвинулся с места, дрожа и подергиваясь. Я даже испугался за целостность ходовой части, но через несколько минут щедро нанесенные нами в нужных местах смазочные материалы добрались до всех трущихся частей и вибрация прекратилась.

Двигалось это чудо техники с потрясающей воображение скоростью четыре километра в час, так что до завала ему пришлось добираться довольно долго, зато дальше древний агрегат показал себя во всей красе. Нет, темп прогрызания завала не впечатлял. За час щит углублялся в породу чуть более чем на метр, но зато делал он это удивительно качественно для такого старого и изношенного аппарата. Не зря для начала работы слабенький вычислитель щита потребовал от нас заполнить четыре цистерны-контейнера специальными химическими ингредиентами, которые мы с трудом нашли в очень небольшом количестве в том же штреке, где стоял и сам проходческий щит. Видимо, все, что с ним было связано, шахтеры просто свалили в этот тупичок при консервации выработки, не особенно заботясь о систематизации и аккуратности. Олег сомневался, что эти расходные материалы за столько лет сохранили свои свойства, но выбирать нам все равно было не из чего, и мы тупо загрузили нужные порошки в цистерны с соответствующей маркировкой. И вот теперь всю поверхность стен пройденного тоннеля старый, но вполне, как оказалось, исправный агрегат покрывал слоем быстро твердеющего пластобетона, укрепляя свод и не давая ему проседать.

Мы не торопились. Перенапрягать древнее оборудование, имеющееся у нас в единственном экземпляре, ни я, ни Олег не желали, да и качество бетона,

поддерживающего свод тоннеля, вызывало у нас законные опасения, так что мы решили дать ему побольше времени на застывание. Ингредиенты в контейнерах закончились, когда пройти оставалось буквально два-три метра. Вернее, как водится, закончился порошок только в одной цистерне, но работать без него щит отказывался наотрез, не помогал даже военный код. Злобно матерясь, сержант загрузил в контейнер другой химикат, взяв его из цистерны, где оставалось больше всего порошка. К каким последствиям это могло привести, мы не знали, но другого способа заставить строптивный аппарат продолжить работу нам придумать не удалось.

Работа продолжилась, и через три часа вычислитель щита подал сигнал о том, что режущие кромки его буров больше не встречают сопротивления породы. Завал мы преодолели, однако, стоило нам отдать команду проходческому щиту на движение задним ходом, как не поддерживаемый более потолок тоннеля начал медленно проседать. Пластобетон кривого состава не желал нормально застывать, вернее, он застывал, но жесткости не обеспечивал, в результате чего потолок провис на четверть высоты прохода. Длина опасного участка не превышала трех метров, но соваться туда особого желания не возникало.

В свете фонарей мы видели только плавный поворот тоннеля.

– Давай Арнольда туда зашлем, – с сомнением глядя на провисающий потолок предложил Олег.

– Да, пожалуй... – не стал я возражать.

За абордажным роботом далеко ходить не пришлось. После истории с нападением на меня техдронов Роя мы всегда таскали его за собой. Вот и сейчас Арнольд бдительно бездействовал, взобравшись на одну из груд породы, наваленных по краям штрека проходческим щитом. Убирать грунт было некуда, да и незачем, вот и громоздился он прямо в тоннеле.

Арнольд чуть пригнулся в опасной части штрека, прошел вперед и исчез за поворотом. Впрочем, мы видели все его «глазами» – робот транслировал нам изображение со своих камер. С полминуты мы молча рассматривали открывшуюся нам картину, потом я нарушил молчание.

– Пойдем еще покопаемся в том тупичке, где стоял проходческий щит. Надо чем-то укрепить свод, теперь нам точно лезть туда придется.

* * *

Тридцать шесть капсул низкотемпературного сна занимали почти весь тупиковый отрезок штрека за прокопанным нами проходом, если не считать десятка довольно крупных металлических ящиков, сложенных у самой стены, которой заканчивался тоннель. Стояли капсулы неровно, поскольку стаскивали их сюда явно в большой спешке. От кубического блока, служившего источником энергии, прямо по пыльному полу к капсулам вились кабели энергопроводов. Контрольные панели были прикрыты защитными крышками, но на энергоблоке тускло светились два огонька желтого цвета, демонстрируя нам, что энергия в системе есть.

– И что мы будем с этим всем делать? – в голосе Олега звучала растерянность.

Я полностью разделял сомнения сержанта. В технике джангров мы оба понимали чуть меньше, чем ничего, да и мало кто в бывшей Империи мог похвастаться такими знаниями. Контакты с союзниками до войны, да и почти всю войну, не поддерживались ввиду категорического нежелания джангров общаться с людьми, а когда они все-таки одумались, было уже слишком поздно, и наши цивилизации не успели даже поверхностно узнать друг друга.

– Давай думать, – я уселся на пол тоннеля и привалился спиной к стене, – Представь себя на месте их командира. Время есть, но его очень мало, буквально несколько часов. Не знаю, как они выбрали, кому погибать, а кому спастись, но, допустим, этот выбор был для джангров очевиден, и они не теряли на это времени. Члены команды транспорта нашли и вскрыли вход в шахту, втащили с помощью ремонтных дронов оборудование и криокапсулы в тупиковый штрек, в дикой спешке все подключили и запустили. Что дальше?

– Прикрепили заряды к своду штрека, и когда стало понятно, что отбиться не выйдет, обрушили тоннель.

– Все это верно, – согласился я с Олегом, – но ты мне скажи, на что они рассчитывали?

– Сложно сказать. Возможно, они успели отправить по гиперсвязи сигнал о помощи и надеялись, что сюда прилетит их боевой корабль, добьет остатки когорты Роя и вытащит капсулы из этого штрека.

– Не сходится.

– Почему?

– Сигнал по гиперсвязи они действительно могли отправить, но вот рассчитывать на помощь капитан совершенно точно не мог. Ты обратил внимание, что эвакуационный транспорт был один? Они ведь всегда раньше отправляли их флотилиями. Кроме того, транспорт преследовал корабль Роя, значит, стартовал он из колонии джангров, подвергшейся атаке и уже не имеющей шансов отбиться. А теперь вспомни, что их робот радиоэлектронной поддержки воспринимал нас, как союзников. Это означает, что речь идет о последних днях существования Меритократии Джангров, а точнее, ее последней колонии. К тому моменту, как этот транспорт ушел в прыжок из атакуемой системы, у джангров уже не было боевых кораблей, способных его прикрыть, а значит, и прийти им на помощь было уже некому.

– Ну, допустим. И что это нам дает?

– А давай взглянем на эту ситуацию с другой позиции. Джангры влезли в законсервированную выработку, построенную людьми. Что мы здесь добывали, они, я думаю, прекрасно поняли. О катастрофическом поражении наших сил в сражении за Метрополию они на момент своего бегства уже знали и могли предположить, что рано или поздно, если, конечно, мы сможем накостылять Рою, мы вернемся на эту выработку, ведь теперь, после уничтожения сердца империи, у нас больше нет технологии синтеза топлива для гипердвигателей, и нам снова потребуется тетралит.

– Очень зыбко, – покачал головой сержант, – В твоих рассуждениях слишком много натяжек. Не забывай, что вряд ли джангры знали о нас больше, чем мы о них, то есть, на самом деле, они не имели почти никакой информации. Откуда им знать, что Империя не раскрывала колониям секрет синтеза топлива и погибла, унеся его с собой в могилу?

– Согласен, звучит не очень убедительно, но догадываться о чем-то подобном они могли. Кроме того, кому, как ни людям появиться здесь, если уж вообще сюда кто-то прилетит?

– Ну, с этим я, пожалуй, соглашусь.

– Как бы там ни было, но джангры должны были предусмотреть вариант, что их обнаружат именно люди, причем люди, ничего в их технике не смыслящие.

– Командир, то есть ты хочешь сказать, что вся процедура вывода джангров из криосна должна быть предельно упрощена и понятна любой обезьяне?

– Именно.

– Ну, раз так, то две обезьяны, да еще и в звании сержанта и лейтенанта, точно найдут нужную кнопку, – жизнерадостно изрек Олег и неспешно направился к центральному блоку, на котором продолжали светиться два огонька.

Я поднялся и последовал за сержантом. Верхняя грань куба энергоблока оказалась одновременно и панелью управления, но выглядела она совершенно безжизненной. Два огонька, которые, как нам показалось, светились на корпусе куба, на самом деле располагались на небольшом плоском пятиугольном устройстве, напоминающем странной формы планшет, соединенном с энергоблоком шлейфом проводов. Огоньки представляли собой небольшие, буквально сантиметр в диаметре, светящиеся круги на экране. При ближайшем рассмотрении оказалось, что сам экран тоже светился, но очень тускло, едва достаточно для того, чтобы увидеть, что кругов на нем на самом деле четыре – два светящихся и два серых, вроде как неактивных. Причем три небольших круга располагались в ряд, и два из них светились, а четвертый, раза в три больше их по размеру, находился внизу, под ними.

– Чего-то ему не хватает, похоже... – Олег первым озвучил посетившую нас одновременно мысль, – Если исходить из чисто обезьяньей логики, то после того, как загорятся все три маленьких круга, должен активироваться и большой.

– Ну, давай из этого пока и будем исходить, – согласился я, напрягая мозг, чтобы он выдал хоть какую-то дельную мысль, способную продвинуть нас дальше в решении этой головоломки, – Давай прикинем, что могут означать эти два

светящихся круга и третий, пока серый.

– Скорее всего, это примитивная панель, отображающая состояние всей системы и готовность ее к началу процедуры пробуждения джангров. Ничего другого в голову как-то не приходит, – Олег попытался почесать в затылке, но наткнулся рукой в перчатке на шлем скафандра и тихо ругнулся.

Что-то зацепило меня в этом его движении, но поймать мысль за хвост я пока не сумел.

– Почему огней должно быть три, сержант?

– Ну, не знаю. Один, наверное, означает достаточность энергии в системе. Он, видимо, сейчас горит. Второй... ну, допустим, он отражает исправность капсул. В целом, естественно. Что-то может и не работать или тесты какие-то не проходить, но это некий интегральный показатель. Будем надеяться, что он тоже горит, иначе это будет тупик – починить капсулы мы точно не сможем. А вот третий... Не знаю, командир, ничего пока в голову не лезет.

Я слушал Олега и пытался понять, что же за мысль я упустил минуту назад. Она проскользнула по самому краю сознания и куда-то исчезла. Ну, хорошо, энергия и исправность железа, это понятно, но чего еще не хватает для процедуры пробуждения? Я оглядел неровные ряды капсул, прошелся взглядом по стенам штрека, уперся в неровную дыру, сделанную нами в завале...

– Внешняя среда, сержант! Этот индикатор отвечает за внешние условия, – я чуть не стукнул себя перчаткой по шлему, но сдержался, вспомнив результат попытки Олега почесать в затылке, – Как они будут пробуждаться, если вокруг капсул нет атмосферы? Не в скафандрах же они там лежат, в конце концов.

* * *

Работенка нам выпала еще та... Герметизировать тупиковый отрезок штрека, не имея ни специального оборудования, ни нужных материалов, показалось нам по началу делом совершенно невыполнимым. Усугубляло ситуацию то, что все эти титанические усилия грозили оказаться совершенно бесполезными, мы ведь не могли быть уверены в правильности моей догадки. Хорошо хоть состав

атмосферы, необходимый для джангров, был нам известен и мало отличался от наших собственных потребностей.

Нам пришлось разрезать на металл поврежденные шлюзовые ворота одного из входов в шахту, отключить гравикорректор и, пользуясь низкой силой тяжести, перетащить материал к пробитому в завале проходу. Дальше мы несколько дней мучились, сваривая на месте новые гермоворота. Получилось не просто криво, а откровенно убого. Несмотря на почти полное опустошение наших скудных запасов герметизирующей пены, сооружение травило воздух, как воздушный шар после встречи с ежом. Но азота и кислорода в цистернах шахты хранилось достаточно, и нам все-таки удалось создать приемлемое давление в штреке, хоть его и приходилось поддерживать постоянной закачкой новых порций воздушной смеси.

Все это было замечательно, но третий кружок на экране планшета джангров загораться не торопился.

- Надо поднять температуру, командир, - сержант не хотел верить в неудачу, - Минус девяноста пять градусов - совсем не курорт, что для нас, что для джангров.

Пришлось горючить калорифер и пропускать через него воздух, закачиваемый в штрек. Когда температура перевалила через ноль градусов, и гадский огонек таки зажегся, у нас уже не было сил этому радоваться.

Большой круг под тремя горящими огоньками тоже изменился, обрел объем и более насыщенный цвет, но все еще оставался темным.

- Ну что, командир? Кнопку обезьяны нашли. Давить будем?

Как-то до этого момента я не задавался этим вопросом, все силы уходили на выполнение текущей задачи, а зря. Олег увидел мои сомнения, но истолковал их по-своему.

- Думаешь, как они поведут себя после пробуждения?

– Нет. Вернее, это, конечно, тоже, но мы сейчас в одной лодке с дырявым дном и выбраться отсюда имеем шансы только вместе. Я думаю о другом. Вот сейчас мы нажмем кнопку, и через час-другой будем лицезреть тридцать шесть чешуйчатых рыл с немым вопросом на лицах: «спасибо, конечно, но что дальше?». У тебя есть ответ на этот вопрос? У меня – нет.

Сержант задумчиво оглядел капсулы, но так ничего и не ответил, а я продолжил развивать свою мысль:

– С таким расходом воздуха мы сможем поддерживать приемлемые условия в этой пещере не больше нескольких суток. Скафандров у этих ребят нет, то есть мы их даже до нашего корабля доставить не сможем. Но допустим даже, что у нас это как-то получилось, что мы будем делать с ними дальше?

– Ну, у нас же малый войсковой транспорт, – с некоторым сомнением в голосе ответил сержант, – тридцать шесть пехотинцев мы разместим без особых сложностей.

– Угу. А вода и продовольствие? Насколько я знаю, наша пища для них условно пригодна, но имеющихся у нас запасов такой толпе хватит на неполную неделю. И что мы за эту неделю успеем?

– Илья, скажи мне, а у нас есть другой шанс? – странно спокойным голосом спросил Олег, – А у них? Ты предлагаешь оставить их здесь? Они могут пролежать тут вечность, пока хоть кто-то заглянет в эту дыру.

– Ну, может, кто и заглянет... – не слишком уверенно возразил я, – Тетралит опять начнут добывать шахтным способом, топливо всем нужно.

– Ты забыл, почему мы выбрали именно это место? Слишком далеко. Законсервированных шахт хватает и в более доступных местах. Никто сюда в ближайшие десятки лет не сунется, разве что такие же бродяги, как мы, да и то вряд ли. Не у каждого бродяги найдется корабль с гипердвигателем.

– Ладно, давай пробовать. Будем надеяться, что джангры тоже хоть о чем-то думали, забиваясь в эту щель, а не перевалили все заботы о себе на своих гипотетических спасителей.

На прикосновение моего пальца в перчатке сенсор в виде большой кнопки отреагировал не сразу, но с третьей попытки он все же окрасился в желтый цвет и изображение на пятиугольном экране сменилось. Перед нами оказались те же круги, но теперь их было тридцать шесть. Почти все они горели ровным желтым светом, но четыре круга светились явно слабее других, а еще два были серыми.

– Двоим, похоже, не повезло, – констатировал сержант, – а по остальным нам явно предоставляют выбор. Кого будем будить, командир?

– Не представляю, как тут можно выбирать. Все яркие кнопки одинаковы. Трогать тусклые я бы не стал, скорее всего, в этих капсулах есть неполадки и при попытке разбудить джангров мы можем их просто убить. Пусть лучше сами с ними разбираются. Если ряды кнопок на планшете соответствуют расположению капсул, – я окинул взглядом штрек, – то можно попробовать разбудить... Вот если бы ты, сержант, был командиром джангров, в какую бы капсулу ты лег?

Олег задумался.

– В ближайшую к завалу, я думаю, но тут может быть много соображений, я не уверен.

– Вот и я бы ее выбрал, – ответил я, отбрасывая сомнения и тыкая пальцем в нужный сенсор.

* * *

С капсулой командира мы не угадали, да и не могли угадать. Джангры, лежавшие здесь, были введены в состояние в криосна сразу после погрузки на эвакуационный транспорт. Они ничего не знали ни о корабле-преследователе, ни о бое на астероиде, ни о заброшенной тетралитовой выработке. А тот, кто все это организовал, лежал сейчас мертвый, в скафандре, вскрытом плазменным резаком, рядом с останками уничтоженного им в последнем бою вражеского робота. Достойный у джангров был командир.

Первый разбуженный нами союзник долго не мог понять, где он и во что он вляпался. Хорошо хоть агрессии не проявлял и даже принимал нашу неуклюжую

помощь. Более-менее сориентировался он только часа через три, когда мы с помощью вычислителя смогли наладить хоть какую-то коммуникацию. Автоматический переводчик хромал на все буквы, но общий смысл мы худо-бедно понимали. Надо отдать должное разработчикам этой лингвистической программы, обучалась она довольно быстро, и к исходу первых суток наше общение с джангром стало относительно комфортным.

Мы умудрились разбудить, наверное, самого бесполезного джангра, какого только могли. Сорг оказался очень авторитетным в своих кругах ученым, но специалист по древней истории и археологии был нам сейчас, мягко говоря, не слишком актуален. Тем не менее, он был настоящим ученым и имел достаточно широкий кругозор в смежных областях знаний. Для начала оказалось, что мы недооценили оснащенность джангров. Основание каждой капсулы являлось одновременно и хранилищем массы полезных вещей, требовалось только знать, как до них добраться. Сорг это знал прекрасно, и как только у него прошел первый шок, джангр открыл панель управления капсулой, ткнул в нее пару раз, и из-под раскрытого ложа выдвинулась секция с аккуратно сложенным в специальном углублении скафандром, в который союзник с явным облегчением и облачился с нашей символической помощью.

Как объяснил нам несколько позже Сорг, капсулы криосна не всегда оборудовались средствами выживания, но данная модель их имела, и на то была веская причина. Теоретически, меритократия – государственное устройство, при котором власть принадлежит доказавшим свою состоятельность специалистам, причем применительно к каждому такому специалисту она ограничивается лишь той сферой, в которой он наилучшим образом разбирается. В человеческом обществе меритократию построить никогда не удавалось, а вот джангры что-то такое все-таки соорудили. Поэтому наиболее ценными членами общества они считали ученых, ну и, соответственно, их спасение являлось приоритетной задачей для команды эвакуационного транспорта. Капсулы для элиты общества тоже выделялись лучшие, вот и оказались тридцать шесть избранных более-менее обеспеченными всем необходимым на первое время.

Помимо скафандра и регенерационных картриджей к нему в каждой капсуле имелся запас воды и пищевых концентратов примерно на две недели, пистолет, комплект одежды и портативный вычислитель – тот самый пятиугольный планшет, с которым мы уже имели удовольствие упражняться, активируя систему пробуждения джангров.

Сорг согласился с нами, что будить сразу всех его соотечественников совершенно не нужно, но взялся указать троих наиболее ценных в данных обстоятельствах специалистов. Так нас стало шестеро.

* * *

– То есть, как я понял, вы уничтожили роботов Роя, нашли и разбудили нас, но выбраться с астероида мы не можем. Это так? – задал вопрос Колн, один из лучших специалистов по физике гиперпространства во всей Меритократии Джангров, как его представил нам Сорг.

– Совершенно верно, господин Колн... – начал я отвечать, но неожиданно был прерван джангром.

– Просто Колн. У нас не приняты эти ваши слова-паразиты перед именами.

– Хорошо, Колн, вы правы. Сейчас мы действительно не можем покинуть астероид. Штурмовой робот Роя очень неудачно достал нас ракетой, и теперь двигательный отсек корабля не подлежит восстановлению. Но мы бегло осмотрели ваш эвакуационный транспорт. Там многое разрушено, но кое-что и уцелело. Насколько это что-то может нам помочь, я сказать не могу, в вашей технике мы ориентируемся очень слабо. Но у нас осталась запись, и я хотел бы, чтобы вы и ваши коллеги на нее взглянули.

Запись экспедиции Арнольда к погибшему транспорту джангры просмотрели молча, потом попросили запустить ее еще раз и только тогда мы услышали их комментарии.

– Отремонтировать корабль мы не сможем, – уверенно произнес Сигруд, ведущий инженер-конструктор, специализировавшийся на пустотных объектах, – повреждения слишком велики, здесь нужен ремонтный док.

– Есть ли шанс восстановить устройство гиперсвязи? – задал я вертевшийся на языке вопрос, – Если мы сможем отправить сигнал с просьбой о помощи, возможно, за нами кто-то прилетит.

– Возможно? То есть вы не уверены в этом? – не ответив на мой вопрос, спросил Сигруд.

– Гадать бессмысленно, пока мы не знаем, можно ли послать сигнал, – вернул я разговор в нужное мне русло.

– На записи нет нужных отсеков корабля. Видно, что большинство резервуаров с топливом уцелели, но состояние двигателей и системы управления... – Сигруд отвечал явно неохотно, – нам придется идти туда снова, чтобы все осмотреть на месте. Если вы не уверены в том, что на наш сигнал откликнутся, то все наши усилия могут пропасть зря, а времени у нас, как я понял, немного.

– Сигруд, я не буду пытаться приукрашивать ситуацию, – твердо ответил я джангру, – ваше государство погибло под ударами Роя, вы это знаете лучше меня, но и Империи людей больше нет. Планеты Метрополии сожжены дотла, утрачены ключевые технологии, уничтожена центральная власть. Да, объединенный флот колоний разбил и рассеял то, что осталось от армады Роя после атаки на Метрополию, нашел и выжег их сырьевые базы и всю вспомогательную инфраструктуру. Рой уничтожен, если не считать такие вот жалкие остатки, как те роботы, на которых мы здесь напоролись. Мы победили, но эта война надорвала наши силы. Слишком многое погибло, исчезло то, что делало нас единым государством. Теперь каждый сам за себя. Те боевые корабли, что остались целыми после победы, расползлись по своим звездным системам и с тех пор оттуда не высовываются. Запасов топлива почти нет. Старые заводы по переработке тетралитовой руды давно утилизированы, а новые надо еще построить, что тоже непросто – война высосала из колоний почти все ресурсы и квалифицированных специалистов. А теперь представьте, что будет, когда они получат наш сигнал. Я не берусь предсказать их реакцию. Если бы сигнал послали мы с сержантом, никто бы точно не прилетел – мы никому не интересны, чтобы тратить на нас драгоценное топливо для гипердвигателей. Если они узнают о вас, возможно, решение будет другим. Все-таки ведущие ученые одной из колоний Меритократии джангров, причем готовые к сотрудничеству, это ценный ресурс для любой планетной системы. Но где гарантия, что это, не простая уловка двух застрявших на старой выработке отставных военных? Могут и не поверить. На самом деле, надеяться мы можем только на таких же бывших вояк, как мы сами. После роспуска остатков императорской армии, некоторые парни, вроде нас, выкупили за смешные деньги списанные войсковые транспорты и попытались найти себя в мелком полулегальном бизнесе. У этих людей еще не стерлись из памяти такие понятия,

как взаимовыручка и помощь товарищу в беде, но их мало, ресурсы у них тоже крайне ограничены, а космос велик, не мне вам об этом рассказывать. Кроме того, не надо забывать, что наш сигнал могут и просто не принять – мы слишком далеко от ближайшего гипермаяка.

Джангры переглянулись, и слово снова взял Сигруд, явно игравший роль неформального, а может и формального лидера в их группе.

– Люди, я хотел бы сразу разъяснить вам нашу позицию по дальнейшему сотрудничеству. Мы благодарны вам за уничтожение роботов Роя и за то, что вы сделали возможным наше пробуждение. Мы понимаем, что сейчас зависим друг от друга и если и сможем выбраться отсюда, то только совместными усилиями, но это не значит, что мы будем вам подчиняться. После того, как мы покинем этот астероид и доберемся до цивилизации, мы будем считать, что ничего друг другу не должны. Вас устраивает такой подход?

Вот ведь задница чешуйчатая! Мы в полном дерьме, что совершенно очевидно и нам и им, а он все равно права качает. Неудивительно, что этот народец не захотел иметь с нами дел и отгородился стеной молчания сразу после первого контакта.

– Давайте сначала выберемся отсюда, – вздохнув, ответил я, – командовать вами мы не собираемся. С чего бы? Требовать плату за ваше освобождение – тем более. Мы ведь союзники, надеюсь, вы не забыли?

– Мы не забыли. Но война закончилась, враг уничтожен, а значит, и союза больше нет. Тем не менее, мы удовлетворены вашим согласием с нашими условиями и готовы к совместным действиям.

Да уж, интересные нам попались товарищи по несчастью. Однако других нет, придется работать с этими.

– И с чего вы предлагаете начать эти совместные действия?

– С нашего корабля, естественно, – ответил Сигруд, – его надо тщательно осмотреть и понять, что из оборудования сохранилось, и что можно восстановить имеющимися у нас средствами.

– А у нас имеются какие-то средства?

– Естественно. В раскопанном вами штреке помимо капсул криосна остались и роботы техподдержки, которые их туда доставили. Сейчас они в состоянии консервации, в их накопителях почти нет энергии, но с вашей помощью, я надеюсь, мы сможем их зарядить и активировать.

– Это те металлические ящики у дальней стены? – уточнил Олег.

– Да, роботы так выглядят в транспортировочной конфигурации.

– Зарядим мы их без проблем, – ответил джангру сержант, – от вас мне нужны только параметры входящих энергопроводов, ну и на разъемы посмотреть тоже было бы неплохо.

– Не вижу смысла это откладывать, – невозмутимо ответил джангр, – давайте приступим.

* * *

Двигательная установка транспорта уцелела, ну, почти. Повреждения, конечно, имели место, но вполне устранимые в разумные сроки. Заметно хуже обстояло дело с командным постом и оборудованием гиперсвязи. Здесь разрушения оказались фатальными.

Помимо активированных совместными усилиями одиннадцати ремонтных роботов джанграм удалось раскопать в руинах корабля еще пять аналогичных аппаратов в ремонтпригодном состоянии, и теперь над устранением повреждений под руководством Сигруда трудились шестнадцать специализированных механизмов, что вселяло определенную надежду на успех нашей затеи.

Еще одно событие дало мне возможность вздохнуть с некоторым облегчением. В одном из полуразрушенных трюмов роботы обнаружили частично сохранившиеся запасы продовольствия и воды. Вот это оказалось действительно настоящим подарком. У нас появилось гораздо больше времени на ремонтные работы, и мы смогли позволить себе разбудить еще десять джангров владевших

нужными в этом деле специальностями.

Работы пошли быстрее, но Сигруд особого оптимизма не испытывал.

– Илья, – обратился он ко мне по закрытому каналу связи, – все это бесполезно. Мы занимаемся работой ради работы. Я не вижу перспектив. Восстановить управление двигателем мы не сможем. Вычислитель разрушен вместе с почти всем оборудованием командного поста. Да даже если мы сумеем как-то запустить двигательную установку, корабль не сможет взлететь. Корпус разбит, транспорт лежит на боку... Надо прекращать это бесполезное занятие и пустую трату ресурсов. Нам следует сосредоточиться на обеспечении выживания здесь, раз уж улететь или послать сигнал бедствия все равно не получится.

Я ответил не сразу. Все-таки я не ученый и даже не инженер, хотя уровень технического образования у офицеров императорской армии всегда был достаточно высок. Вопрос, родившийся в моей голове, я просто боялся задавать, понимая, что он может быть дилетантским. Мне было элементарно страшно услышать на него категорический отрицательный ответ, ведь это означало бы, что надежды на спасение действительно больше нет. Но время задавать глупые вопросы, похоже, пришло.

– Сигруд, у нас есть полностью исправный командный пост. Я говорю о нашем войсковом транспорте, на котором мы сюда прилетели. Я понимаю, что это бред, но задумайся над этим, пожалуйста. И наши, и ваши двигатели работают на одних и тех же принципах. Да, конструкции разные. Да, системы управления имеют существенные отличия. Но общие основы должны быть схожими. Смогли же мы вывести вас из низкотемпературного сна, а потом зарядить ваших роботов. Значит, можно попытаться подружить и наш вычислитель с вашим двигателем. Я понимаю, что это будет непросто...

Сигруд не отвечал, только громко пыхтел в своем скафандре, видимо, двигаясь куда-то быстрым шагом.

– Илья, – наконец услышал я в наушниках шлема голос джангра, – ты самый сумасшедший авантюрист из всех двинутых мозгом людей и джангров, которых я встречал на своем жизненном пути. Ты сам-то понял, что сказал?

– Это значит, что такое невозможно?

– Это значит, что я иду будить Линга, а вы с твоим сержантом будете учить его программированию на вашем вычислителе. Только не говори мне, что вы этого не умеете, меня это не интересует, а Линг из вас душу вынет вместе с мозгом. Он лучший программист Кланга-5, так когда-то называлась наша планета. Если кто и разберется в том, как заставить работать эти устройства вместе, то только он.

* * *

По поводу обучения Линга программированию, это Сигруд погорячился. Кто и кого будет учить, стало ясно с первых же минут. Линг мне понравился. Наверное, первый джангр, который оказался «нормальным пацаном», если можно так говорить о бесполом существе. В нем не было заносчивости и спеси, как в большинстве его соотечественников, зато он просто горел своим любимым делом и любую железяку, имеющую отношение к вычислителям готов был чуть не обнюхивать и облизывать, пока полностью с ней не разберется. Сигруд немного искажил специализацию Линга. Я бы назвал его не столько программистом, хотя в этом деле он тоже мог дать любому сто очков вперед, сколько системщиком, специалистом по сращиванию ежей с ужами в сетевом и вычислительном оборудовании. Именно это нам сейчас и требовалось.

Неожиданно для себя я увлекся этой несвойственной мне работой. Я начал знакомить Линга с интерфейсом вычислителя и быстро понял, что сам разбираюсь в этом деле весьма поверхностно. Линг же схватывал все на лету и задавал мне такие вопросы, что очень быстро мы поменялись ролями. Лингу было интересно. Он самостоятельно разбирался с вопросами, ответы на которые я не знал, а потом объяснял мне. В прошлой жизни, до войны, он был профессором, ну или как там у джангров называется эта должность. В общем, он учил студентов, причем не всяких, а элиту. Попасть к нему могли только лучшие, прошедшие многоступенчатый отбор. А мне вот повезло на халяву. В общем, мы продвигались. Вернее, продвигался Линг, а меня тащил за собой на веревочке, но, на удивление, я справлялся. Не ожидал от себя таких талантов. Сержант вон тоже пытался не отстать от меня этом деле, но быстро потерял нить и ограничивался теперь функциями поддай-принеси. А я ничего, держался как-то.

У джангров мимика какая-то своя, специфическая. Во всяком случае, ничего похожего на улыбку я у них никогда не видел. Но иногда, мне кажется, я чувствовал одобрение со стороны Линга, временами смешанное с удивлением.

Может я и впрямь ошибся с выбором профессии, но выбора-то, собственно, в тот момент и не было. Шла тяжелая война и восемнадцатилетнему парню оставалось выбирать только род войск, да и то не факт, что этот выбор кто-то стал бы учитывать.

Через пару недель Линг заявил, что не видит ничего невозможного в сращивании двигателя и энергетической установки эвакуационного транспорта с вычислителем и системами управления человеческого корабля. Он рвался немедленно приступить к перестановке всего нужного оборудования на корабль джангров, но мы с Сиггурдом вынуждены были охладить его пыл.

– Коллега, не торопитесь, – твердо заявил Лингу Сиггурд, – у нас остаются нерешенными очень важные вопросы. Мы пока не знаем, что делать с полуразрушенным корпусом транспорта и как привести корабль в вертикальное положение. С взлетом и разгоном для гиперпрыжка тоже возникнут проблемы. Четыре из шести внутрисистемных двигателей не подлежат восстановлению, а мощности оставшихся двух не хватит.

Сиггурд мне не нравился с самого начала, но в этом вопросе я вынужден был его поддержать. Уродовать наш корабль, служивший нам всем в последние недели единственным домом, без уверенности в конечном результате мне совершенно не хотелось.

Линг, надо отдать ему должное, наши аргументы сразу принял. Будучи натурой деятельной и совершенно не терпящей нерешаемых задач, он, несмотря на непрофильный для него характер проблемы, активно включился в ее решение теми средствами, которыми владел в совершенстве, и меня втянул в этот процесс вслед за собой. Харизма профессора хлестала через край. Несмотря на то, что лидером джангров по-прежнему являлся Сиггурд, Линг поставил на уши всех своих соплеменников, вытребовал у Сиггурда двенадцать роботов техподдержки и загнал всех на эвакуационный транспорт снимать как можно более детальные параметры текущего состояния корабля для создания его полной математической модели.

Именно этой моделью мы с профессором и занялись, как только начали поступать первые данные. Старая мысль о том, что если долго и упорно долбить одну и ту же проблему, результат рано или поздно станет положительным, не подвела и на этот раз. Кроме того, затея Линга сильно способствовала повышению морально-психологического состояния джангров, опустивших было

руки, когда стало понятно, что в нынешнем состоянии корабль все-таки не полетит. Известная армейская истина о том, что личный состав должен быть всегда занят делом, иначе жди беды, подтвердилась и на этот раз. Делом Линг занял всех по самое некуда, и это пошло джанграм, да и нам с сержантом, только на пользу. Работа оказалась кропотливой и весьма трудоемкой, зато через неделю мы имели подробную модель, от которой любой специалист по космическому судостроению пришел бы в тихую панику. Мы учли все пробоины, действующие и разрушенные механизмы, деформацию корпуса, износ двигателей и, естественно распределение грузов, и теперь могли приступить к моделированию изменений, необходимых для того, чтобы эта груда металла опять стала космическим кораблем. Наши возможности по ремонту были весьма ограничены, но если нельзя ремонтировать, то можно ломать.

Вычислитель чуть не дымился, просчитывая всевозможные варианты облегчения корабля. Наш исходный посыл сводился к простой мысли – если мощности оставшихся двух двигателей не хватает для взлета и разгона, нужно выкинуть с корабля все лишнее. Вроде бы мысль элементарная, но первые же расчеты, сделанные еще Сигрудом, показали, что даже если демонтировать все неисправное оборудование и даже исправное, но без которого можно обойтись, мощности все равно не хватит.

Еще раз убедившись в справедливости этих выводов с помощью нашей новой модели, Линг совершенно не расстроился.

– Илья, – повернулся он ко мне от экрана, где светились неутешительные цифры последнего расчета, – ты ведь немало налетал на космических кораблях. Скажи мне, а так ли необходим транспорту корпус, особенно такой дырявый, как наш?

Безумный вопрос. Но я уже привык к тому, что профессор ничего не спрашивает просто так. Тем не менее, я не смог скрыть сарказма.

– Но Линг, как ты себе представляешь корабль без корпуса? Или ты предлагаешь нам лететь сидя верхом на двигателе?

– Ну, не совсем, – ничуть не смутился джангр, – некоторые внутренние помещения и часть несущего каркаса придется оставить. Но давай порассуждаем. Для чего нужен корпус? Чтобы обеспечить экипажу и грузу защиту от космического вакуума, вредных излучений и воздействия атмосферы

при взлетах и посадках на планеты.

Профессор не стал продолжать и лишь молча смотрел на меня, давая мне возможность самому сделать нужные выводы. Преимущество Линга передо мной и Сигрудом заключалось в том, что он не был ни пилотом, ни конструктором, и полет его мысли не ограничивался никакими шаблонами. Я даже в дурном сне не мог представить себе корабль без корпуса. Думаю, Сигруд тоже. А Линг смог, и теперь я тоже ясно видел, какие это дает преимущества.

- Мы не собираемся ни взлетать, ни садиться на планеты с атмосферой, - медленно ответил я, глядя в огромные глаза профессора. Груза у нас тоже будет не так уж и много. Под жилой модуль и командный пост мы можем использовать одно из внутренних помещений, прилегающих к двигательному отсеку...

- Ты все верно понял, человек, - Линг остался доволен моим ответом, - получается, что три четверти внешней обшивки и две трети несущего каркаса нам просто не нужны. Давай внесем изменения в модель и снова запустим вычислитель на оптимизацию параметров. Здесь работы-то нам часа на три...

* * *

Я в последний раз окинул взглядом командный пост нашего старого войскового транспорта, сейчас выглядевший совершенно нежилым из-за демонтированного оборудования. Спасибо, старик, ты сделал для нас все, что мог. Ты воевал с Роем, честно снося все тяготы и невзгоды, получал в борт ракеты и снаряды, но спасал людей, доверивших тебе свои жизни. Прости, что бросаю тебя здесь. Может быть, если судьба перестанет поворачиваться ко мне задницей, мы с сержантом еще вернемся сюда, и ты снова сможешь летать. Не буду обещать этого твердо, но я постараюсь. Невесело усмехнувшись своим мыслям, я бросил в микрофон шлема:

- Все, Сигруд, я готов. Можем начинать.

Огрызок эвакуационного транспорта стоял на дне кратера в вертикальном положении. При том обилии строительного материала, которое высвободилось после демонтажа корпуса, соорудить некое подобие дока для того, что осталось, оказалось не так уж сложно. Гравикорректор мы выключили, и на астероиде

вновь установилась обычная сила тяжести в несколько сотых долей единицы. Когда встал вопрос о том, кто станет командиром нашего нового транспортного средства, я без колебаний поддержал кандидатуру Сигруда, чем, похоже, искренне удивил всех джангров, считавших, что я буду оспаривать права на это место. Не дождетесь. Меня вполне устроила должность старпома и командира БЧ-2, то есть артиллерии. Все три плазменные пушки, оставшиеся целыми после боя с роботами Роя, и единственную пусковую установку зенитных ракет я заставил джангров смонтировать на несущем каркасе корабля. Возникшие было возражения, я задавил аргументом о том, что летать без оружия в нынешних условиях – явное самоубийство. Меня неожиданно поддержал Линг, хотя для него мои пушки и ракеты были только лишним весом и дополнительной головной болью по центровке и так наводящей ужас своим видом конструкции. Но вот поддержал, тем не менее, и вопрос закрылся как-то сам собой.

Взлет прошел без неожиданностей, что вызвало всеобщий вздох облегчения. Мы провозились с переделкой и ремонтом корабля джангров почти три месяца. Как мы с Олегом ни экономили, к концу этого срока нам пришлось попробовать продукты наших чешуйчатых друзей. Не скажу, что меня от них выворачивало, но добровольно я это есть никогда бы не стал, да и желудок мой как-то не особо одобрял новый рацион, по крайней мере, первую неделю. В общем, окончание работ я встретил с большим энтузиазмом. Однако теперь в полный рост встал вопрос, а куда, собственно, нам лететь.

– Надежность нашего корабля вызывает большие сомнения, – озвучил очевидный для всех факт Сигруд, – Десяток-другой прыжков он, конечно, выдержит, но вот дальше могут быть варианты. Поэтому цель надо выбирать сразу и окончательно. Я вижу два пути. Мы можем отправиться к Клангу. Наши терраформированные планеты выжжены Роем, но в системе было много внешних поселений, в том числе небольших исследовательских и производственных лабораторий в поясе астероидов и на спутниках планет-гигантов. Перед атакой Роя их законсервировали, а персонал эвакуировали на планеты. Некоторые из них могли сохраниться. Если это так, любое из этих поселений может послужить нам временной базой. Второй вариант – пространство людей. Здесь я не силен. Илья, что ты можешь предложить?

В последние дни я много думал об этом, и сейчас ответил почти без паузы.

– Как и у вас, у нас с сержантом тоже нет дома, не считать же за таковой съемные каюты пустотных станций, где мы временно жили перед отправкой

сюда. Рой сжег наши планеты так же, как и ваши. Нет, колоний осталось довольно много. Как минимум, три десятка достаточно развитых планет и масса небольших пустотных объектов, в том числе и в тех системах, где Рой смог уничтожить поселения на планетах. Но нигде в колониях рады нам не будут. Мы это уже проходили. Им бы занять и прокормить собственное население. Нахлебники им без надобности. Колонии разбросаны на больших расстояниях друг от друга. Из-за топливного кризиса порваны почти все внешние связи, а колонии очень зависели от внешних поставок из других миров и, особенно, из Метрополии. Им мы не интересны, но это если говорить только о нас с Олегом. Вы – другое дело. Вы обладаете знаниями, многие из которых человечеством утрачены. Вас, я думаю, примут с удовольствием и обеспечат всем необходимым. Но рассматривать вас будут только как источник технологий, и как только вы передадите ваши знания, нужда в ваших услугах отпадет. Насколько быстро настанет этот момент, сказать сложно, но на некоторый период комфортной жизни вы вполне можете рассчитывать.

– И вы думаете, археолог и специалист по древней истории уже несуществующей цивилизации джангров будет им интересен? – с сарказмом задал вопрос Сорг.

– Если вы выступите единой группой, то у них не будет выбора, возьмут всех.

– Но тогда мы можем заявить, что вы с сержантом тоже являетесь членами этой группы, – предложил Сорг.

– Это может сработать, – согласился я, – но давайте подумаем, что нам это даст?

– Минимум несколько лет спокойной жизни, в течение которых мы сможем сориентироваться в новом для нас мире, – вступил в обсуждение Линг, – работая с тобой и Олегом, я понял, что с людьми вполне можно иметь дело, по крайней мере, с некоторыми из них.

– Это серьезный аргумент, – согласился Сигруд, – но все равно этот вариант мне не нравится. Мы попадем в полную зависимость от людей, а они очень разные, особенно те, кто пробился к власти. Мы в свое время не просто так решили не иметь с ними ничего общего. У нас не будет корабля, и на долгие годы мы окажемся прикованными к той колонии, куда прилетим. А я не хочу жить среди людей, и, я уверен, большинство из нас со мной солидарны.

Судя по реакции остальных джангров, Сигруд действительно выразил мнение большинства.

– Но если мы полетим к Клангу, велик шанс, что мы там ничего не найдем или найдем то, что нам не подойдет, – возразил Линг, – а обратный путь наш корабль просто не выдержит. Кроме того, встает вопрос, что в таком случае будут делать Олег и Илья? Им-то этот вариант точно противопоказан, у нас для них даже еды нормальной нет, что уж говорить обо всем остальном.

– Это еще не все, – поддержал Линга археолог, – весьма вероятно, что, даже найдя нужную нам базу в системе Кланга, мы зависнем на ней навсегда. Кораблей там почти наверняка не будет, а наш окажется уже непригодным для полетов.

– Сигруд, – прервал я установившееся молчание, – скажи мне, у тебя ведь есть цель? Не сиюминутная, а долгосрочная. Чего ты хочешь добиться в итоге? Может быть, понимая это, я смогу предложить какой-то третий вариант.

Сигруд обвел взглядом всех собравшихся в командном посту. Люди и джангры молча смотрели на него, ожидая ответа.

– Я хочу догнать одну из наших эвакуационных флотилий, – неохотно выдавил из себя джангр. Видимо, он не очень хотел сообщать эту информацию нам с сержантом, но обстоятельства вынудили его это сделать, – Для этого нужен быстрый надежный корабль и много топлива. Маршруты нам известны, для членов Совета они не были секретом. Прошло два года. Транспорты довольно медлительны, и за четыре-пять лет их можно догнать, если отправиться в путь в ближайший год. Гипермаяков они на своем пути не оставляют, это было признано слишком рискованным, так что связаться с ними возможности нет, и они даже не знают, что Рой уничтожен. Остается только догнать и вернуть их.

– Они не вернуться, – спустя пару секунд произнес археолог Сорг, – некуда им возвращаться, да и незачем. Да, флот Роя уничтожен, но кто вам сказал, что это был единственный флот? Или, может быть, люди нашли и выжгли их планеты? Нет, мы даже не знаем, откуда они пришли. Уничтожена мощная автономная группировка, вторгшаяся в наше пространство. Уже год в нашем космосе нет вражеских кораблей, но это означает только то, что люди качественно зачистили ту производственную инфраструктуру, которую флот вторжения

притащил с собой, не более. Кто может гарантировать, что завтра или через пару лет нам на головы не свалится еще один такой же или еще больший флот Роя? Совет принял разумное решение, начав эвакуацию в трех разных направлениях. Да, там придется почти все начинать с нуля. Но Рой нас там не найдет, по крайней мере, быстро. А это значит, что у наших потомков будет время подготовиться.

- Это ничего не меняет, - возразил Сигруд, - не полетят назад - и не надо. Значит, мы просто присоединимся к ним.

- Сигруд, но ведь у тебя нет быстрого и надежного корабля с кучей топлива, - негромко ответил я джангру, и я не думаю, что где-то в ваших выжженных Роем системах такой корабль с нетерпением тебя ждет. Во всяком случае, шансы на это исчезающе малы.

Сигруд молча смотрел на меня. Возразить ему было нечего.

- А это означает только одно, - продолжил я, так и не дождавшись ответа, - вам нужен корабль, построенный людьми, поскольку кораблей джангров в нашем космосе больше просто нет и строить их негде. Если все вы стремитесь к той цели, которую озвучил Сигруд, то способ есть только один - любыми способами заработать нужную сумму и купить подходящий корабль и топливо. Быстрых военных кораблей в колониях осталось немало. Захочет ли кто-то их продавать - большой вопрос, но, думаю, дело в цене. Кораблей, кстати, нужно будет два - эсминец и военный танкер, иначе нужное количество топлива просто не влезет в трюмы, это вам не эвакуационный транспорт, где места немеряно.

- И ты знаешь, как заработать нужную сумму, не отдаваясь на волю правительств крупных колоний? - заинтересованно спросил Линг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купити: https://tellnovel.com/glebov_maks/prizrak-pobedy

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)